

*Россинская Светлана Владимировна
гл. библиотекарь библиотеки «Фолиант»
МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»*

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЗНАМЕНИТОЙ КНИГИ ЧАРЛЗА ДИККЕНСА «ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ ПИКВИКСКОГО КЛУБА»

Литературное исследование на тему:

«Рукопись - книга - книжный прилавок - бессмертие»

*К 7.02.2017 - 205 - летию со дня рождения писателя, к 31.03.2017 - 180 - летию со дня
выхода в свет знаменитого романа*

Есть книги, которые не только появились на свет с приключениями, но и впоследствии прожили богатую событиями жизнь. Вокруг этих книг шла борьба, время «редактировало» их, подчас просто переписывая от начала до конца: меняя отношение к ним читателей, меняя самих читателей.

Книги эти продолжают жить, и, стало быть, история их далеко еще не закончена. К ней еще не раз будут возвращаться и специалисты-историки, и книголюбы.

Давайте в преддверии 205 - летию со дня рождения **Чарлза Диккенса** и 180 - летию со дня выхода в свет его романа *«Посмертные записки Пиквикского клуба»* вместе с читателями **библиотеки «Фолиант» МБУК ТБК** чуть больше прикоснемся к истории рождения знаменитой книги - книги с очень интересной и непростой судьбой.

Известно, что первый выпуск «Посмертных записок Пиквикского клуба», содержащих правдивую летопись прогулок, путешествий, приключений и спортивных предприятий его членов, появился **31 марта 1836 года**. Книга вышла под редакцией **Боза**, с четырьмя иллюстрациями **Сеймора**. Ее появление не было замечено. Успех пришел несколько позже.

По словам **Джона Эккеля** из Филадельфии, самого тщательного библиографа Диккенса, через некоторое время «Пиквик» занял по популярности четвертое или даже третье место среди английских книг, уступая только Библии, Шекспиру, и, как полагают некоторые, молитвеннику.

А если посчитать, многие ли люди в самом деле читали Шекспира, Библию и молитвенник, то скорее всего получится, что «Записки Пиквикского клуба» - самая читаемая книга в мире.

«Пиквик» стал предметом коллекционирования еще при жизни Диккенса и уже тогда был труднодоступен. **Джон Декстер** в 1870 году писал в своих *«Советах диккенсовским коллекционерам»*, что *«уже пятнадцать лет в продаже не было хорошего экземпляра полного комплекта всех выпусков»*. Сегодня безупречных комплектов «Пиквика» меньше, чем экземпляров первого издания Шекспира.

«Пиквик» принадлежит к тому избранному кругу редких книг, библиофильская ценность которых чрезвычайно велика. Нынешняя цена в тридцать долларов за слово, написанное Диккенсом, достаточно высока, чтобы все сохранившиеся рукописи не залеживались, а попадали на аукцион и в поле зрения библиофилов.

Джон Форстер, другой биограф Диккенса, его «Бозвел», уверял, что *«чепухи, после смерти писателя писалось более, чем достаточно»*.

Известно, что книгоиздатели **Вильям Холл** и **Эдвард Чипмен** заключили с Диккенсом контракт на *«серию гравюр о лондонцах и спорте»* со смешными подписями. Почему писатель настоял на том, что сначала будет писаться текст, а уж потом к нему будут появляться иллюстрации? Давайте посмотрим, какие отношения на самом деле связывали Чарлза Диккенса с художниками **Дж. Крукшенком**, **Г. Брауном (Физом)**, **Фрэдом Барнардом**.

Известно также, что **Роберт Сеймор**, художник, иллюстрирующий «Пиквика», застрелился у себя в доме, привязал веревку к курку охотничьего ружья и дернув за нее. Этим поступком он сделал неразрешимой одну из величайших литературных загадок той эпохи. Какие библиофильские последствия имела эта трагедия?

Правда ли, что Диккенс обязан Сеймору рождением «Пиквика»? Спор по этому поводу разгорался неоднократно еще при жизни Диккенса, всякий раз вызывая его раздражение. Об этом много спорят и сегодня.

Гравюры другого иллюстратора - **Роберта Басса** - появились в нескольких экземплярах третьей части, а впоследствии были заменены. Почему? Почему, несмотря на свои недостатки, именно они сделали первые экземпляры третьей части редкими и ценными для коллекционеров?

Кто был истинным первооткрывателем Диккенса в России - **Гоголь**, **Белинский** или **Введенский**? Почему достаточно одаренного литератора и переводчика **Иринарха Введенского**, который перевел с английского в 1847 году «*Пиквикский клуб*», впоследствии упрекали в излишних вольностях, неточностях и сплошной «отсебятине»?

Почему **И.М. Катарский**, исследователь, отдавший много сил изучению диккенсовских переводов в России, писал о нем так: «*В переводах Введенского неразрывно сплелись безграничная фантазия и переводческая дерзость, доходящая до развязности*»?

Итак...

В самом начале литературного предприятия

Ранняя весна 1836 года была вдвойне примечательна для двадцатичетырехлетнего репортера лондонской «Утренней хроники» **Чарлза Джона Хаффама Диккенса**. В последний день марта выходил первый тонкий выпуск юмористического издания, над которым он трудился. Двумя днями позже ему предстояло жениться.

Литературное предприятие, вначале малообещающее, неожиданно и очень скоро обернулось величайшим книгоиздательским триумфом. Женитьба же через двадцать два года окончилась полным крахом.

Если уж из этих двух начинаний одно должно было закончиться так печально, то теперь, спустя почти полтора столетия после смерти автора, мы можем радоваться, что горькая участь постигла не юмористическое издание.

Вот почему так бывает? У Чарлза Диккенса было все - семья, десять детей, воля, характер, темперамент, талант, успех, материальный достаток. И при всем при этом - неудовлетворенность, тоска, одиночество, непонимание со стороны жены и отсутствие радости. Во второй половине жизни писатель предпринимал отчаянные попытки достичь равновесия и гармонии, построив домик на зыбучих песках. Но в итоге - все пятьдесят восемь лет его жизни прошли только в работе, в преодолении трудностей и в поисках недостижимого идеала семейного счастья.

Но весной 1836 года любовь двадцатичетырехлетнего Диккенса была вполне безмятежна. «*Мне предложили за четырнадцать фунтов в месяц, - восторженно сообщал он невесте, - писать и редактировать совершенно одному материал, для ежемесячного издания... Работа нешуточная, но вознаграждение слишком соблазнительно, чтобы отказаться*». Он, очевидно, решил сообщить ей позднее на словах, что, предвидя семейные расходы, он уже взял жалование за два месяца вперед.

Карьера – предмет гордости

Даже если бы мистер Диккенс готовился умереть, а не жениться, он был бы совершенно прав, гордясь сделанной карьерой.

Он зарабатывал с тринадцати лет, но поначалу запечатывал банки с ваксой - сначала промасленной бумажкой, потом синей бумажкой, завязывал бечевкой, подрезал края и приклеивал этикетку. Платили ему за это шесть шиллингов в неделю.

В шестнадцать лет он уже работал у адвоката, получал тринадцать шиллингов и шесть пенсов в неделю, а после прибавки - шестнадцать шиллингов.

В девятнадцать был репортером и за четыре года дослужился до пяти гиней в неделю. Он начал понемногу писать, и после того, как с успехом выступил с несколькими короткими вещами в вечернем выпуске все той же газеты, осмелился попросить прибавки. В отличие от многих подобных просьб, эта была удовлетворена. Мистер Диккенс получал теперь семь гиней в неделю - совсем неплохо для бывшего наклейщика этикеток.

Кроме того, он стал автором книги. Короткие вещицы, напечатанные в *«Вечерней хронике»* и других журналах, собраны под названием *«Очерки Боза»*. Диккенс и раньше иногда подписывался в газете именем Боз, хотя вне семьи Диккенсов оно мало что значило. Зато имя иллюстратора говорило о многом. Им был знаменитый художник **Джордж Крукшенк**, друг писателя.

Олицетворение авантюризма

В начале 1836 года Диккенс все еще был занят устройством квартиры в доме №15 по Фернивалз Инн. Гостей здесь принимали в *«неуютной комнате без ковра»*, в которой был *«стол, два-три стула и несколько книг»*. Так описал обстановку один из современников писателя.

А вот как в его изложении выглядел на тот момент самый популярный впоследствии писатель Англии: *«Коротко стриженные волосы, одежда бедна, хотя и изысканного покроя. Сменив потертый служебный сюртук на потрепанный синий, он стал у двери, наглухо застегнутый и без воротника, и казался мне олицетворением авантюризма»*.

Биограф Диккенса, его «Бозвел», **Джон Форстер**, цитируя придирчивого современника, добавляет, что они с Диккенсом *«от души смеялись над этим описанием, в котором едва ли есть одно слово правды. И я, - добавляет Форстер, - привожу его как достойный пример той чепухи, которой и после его смерти писалось более чем достаточно»*.

Человечество, однако, должно быть благодарно современнику даже за те крупинки правды, которые содержатся в его рассказе, потому что это - единственное сохранившееся описание репортера *«Хроники»* и его окружения в тот решающий момент его жизни.

Сначала текст, потом - гравюры!

Примерно в это же самое время в «неуютной комнате без ковра» произошел примечательный разговор. Участниками разговора были Диккенс и некий мистер Холл. **Вильям Холл** - книгоиздатель, партнер **Эдварда Чипмена**. Обоим было немногим больше тридцати, и издательский опыт их был под стать возрасту. За три месяца до этого разговора они выпустили небольшую книжку *«Сатирический ежегодник»* с иллюстрациями **Роберта Сеймора**, одного из известнейших художников той, счастливой для «книжек с картинками», эпохи.

Сеймору было тридцать восемь, т. е. больше, чем издателям, и в полтора раза больше, чем Диккенсу. В том, что в критическую минуту его настойчивыми партнерами оказались совсем молодые люди, и заключалось несчастье Сеймора. Когда человеку за тридцать, то уступать двадцатилетним гораздо труднее, чем в шестьдесят.

Два года назад Сеймор поссорился с **Гилбертом Абботом Беккетом**, двадцатитрехлетним редактором сатирического журнала *«Фигаро в Лондоне»*. Сеймор был самоучкой; свои ранние работы он делал на дереве, потом перешел на медь и получил

известность под псевдонимом **Шипшенкс** - «овечьи ноги». Но **Джордж Крукшенк** (кривоногий) умел постоять за свое имя.

Чтобы их не путали, Сеймору пришлось довольствоваться более скромной славой под своей настоящей фамилией. Работал он с жадностью, что, возможно, ускорило катастрофу. Стоит заметить, что многие из его ранних, но уже вполне зрелых работ оплачивались не меньше, чем по полгинеи каждая.

Успех сатирического ежегодника воодушевил обе стороны, и был заключен контракт на «*серию гравюр о лондонцах и спорте*». Идея принадлежала Сеймору и обсуждалась с Чапменом и Холлом, но дальше обсуждения дело не пошло. Тем временем Сеймор получал новые предложения и, не зная, как с ними поступить, он, наконец, потребовал от издателей определенного ответа. Было решено гравюры издать, сопроводив их юмористическим текстом. Сеймор согласился, и встал вопрос, кто же будет его напарником. Наконец, вспомнили об авторе очерков в «Хронике». Вот почему мистер Холл пришел в дом №15 по Фернивалз Инн, где жил Диккенс.

Сколько продолжался разговор, никто не знает. Как бы то ни было, мистер Холл ушел с убеждением, что его новый автор умеет добиться своего. План Холла заключался в том, что художник делает ежемесячно четыре гравюры на спортивные темы, а мистер Диккенс пишет к ним текст.

Мистер Диккенс, однако, имел контрпредложение: сначала текст, а потом - гравюры. Ведь лошадь впрягают впереди телеги, а не позади нее. Этот аргумент, а может быть, личность писателя, или все вместе произвело впечатление на мистера Холла, и он сдался.

«Пиквик» терпит редкостную неудачу...

Начались напряженные дни, и новые события только усугубили их напряженность. Заключив контракт с Холлом, Диккенс начал работать наперегонки с типографским станком, и так продолжалось тридцать четыре года, до того самого дня, когда шестая часть «*Тайны Эдвина Друда*», последнего романа Диккенса, так и осталась недописанной...

31 марта 1836 года появился первый выпуск «Посмертных записок Пиквикского клуба», содержащих правдивую летопись прогулок, путешествий, приключений и спортивных предприятий его членов. Книга вышла под редакцией Боза, с четырьмя иллюстрациями Сеймора. Ее появление не было замечено.

Джеймс Грант, редактор «*Ежемесячного журнала*», в котором печатались многие ранние очерки Диккенса, писал позже, что в первые месяцы «Пиквик» терпел «редкостную неудачу» и добавлял: «*Чарлз Тилт, в то время влиятельный книгоиздатель, из дружбы к Чапмену и Холлу прилагал все усилия к тому, чтобы обеспечить изданию успех. Он разослал по провинциям не меньше полутора тысяч экземпляров каждого из пяти первых выпусков. Это была для «Пиквикского клуба» широкая реклама, тем не менее, продано было всего пятьдесят экземпляров каждого выпуска. Правда, кое-что было, кроме того, продано через другие каналы*».

Грант ошибался относительно числа разосланных экземпляров. Достоверно известно, что было напечатано не больше четырехсот экземпляров первых выпусков. Что же касается проданного количества, то тут он прав. А «через другие каналы» тоже вряд ли разошлось больше пятидесяти книг. В итоге получается с натяжкой сотня экземпляров.

Задолго до этих грустных событий, второго апреля, был освящен брак Чарлза Диккенса и **Кэтрин Хогарт**. После короткого медового месяца они вернулись в дом на Фернивалз Инн, где, следует надеяться, Кэтрин немедленно обзавелась ковром.

Неразрешимая литературная загадка и ее библиофильские последствия

Второй выпуск «Пиквика» был, наверное, уже в наборе утром 21 апреля, когда молодоженов разбудил брат писателя **Фредерик**, принесший печальную новость. Утренние газеты сообщали, что художник Роберт Сеймор застрелился у себя в доме в Айлингтоне, в летней беседке. Он привязал веревку к курку охотничьего ружья, встал перед дулом и дернул за веревку, сделав таким образом неразрешимой одну из величайших литературных загадок той эпохи.

Эта трагедия имела библиофильские последствия: наиболее ценными считаются те экземпляры «Пиквика», в которых часть вторая содержит листок, объясняющий, почему очередной выпуск появился только с тремя гравюрами вместо обещанных четырех.

Грустно, что и человеческие несчастья становятся иногда предметом коллекционирования...

О том, насколько Диккенс обязан Сеймору рождением «Пиквика», много спорят. Спор разгорался неоднократно еще при жизни Диккенса, всякий раз вызывая его раздражение. Последнее не свидетельствует против писателя, так как человеку вообще свойственно острее реагировать на незаслуженную обиду, чем на угрызения совести.

«Пиквикские записки» принадлежат Диккенсу, и его противники не выдвигали пока достаточно веских аргументов, чтобы мы могли в том сомневаться. Самым яростным противником была вдова Сеймора. Она, конечно, судила предвзято и через тринадцать лет после катастрофы написала Диккенсу письмо, по его словам, *«совершенно безумное, на редкость оскорбительное и содержащее различные утверждения о происхождении «Пиквика», лживые от начала и до конца»*.

Пятью годами позже, в 1854 году, миссис Сеймор опубликовала на ту же тему злой памфлет, которому, как полагают, не дали ходу ее же друзья. Во всяком случае, сегодня известно только два экземпляра этого издания.

Прецедент в истории книгоиздания

После самоубийства Сеймора сложилось положение, подобного которому не было во всей истории книгоиздания. Книга была задумана как серия иллюстраций, скорее картинки, чем записки Пиквикского клуба, но писатель настоял на обратном распределении ролей. Потом художник вышел из этой игры. Первенство так и оставалось за писателем, кто бы ни был новый художник, но художник в любом случае был необходим.

После отчаянных поисков Чапмен и Холл остановили свой выбор на **Р. Бассе**. Участие Басса в издании оказалось тоже неудачным, хотя и не таким трагичным. Басе был самой бледной звездой в созвездии иллюстраторов Диккенса, от Крукшенка до **Файлдза**. Существует мнение, ошибочное и поспешное, что он был просто плохим художником, случайно приглашенным участвовать в издании подобно кошке, оказавшейся на сцене в самый острый момент спектакля.

На самом деле, напротив, он был талантливый и опытный графиком. Просто рисунок на металле был для него совершенно новым делом. Ибо в то время издатели не просто помечали на рисунке размеры и отсылали его граверу, а требовали готовых гравюр. Раньше художник сам гравировал или же нанимал гравера. Гравировали тогда вручную, поэтому гравер становился как бы автором иллюстрации.

Статья о Бассе в биографическом словаре занимает полстолбца, но в ней ни слова нет о его работе над «Пиквиком». Форстер в биографии Диккенса, вышедшей после смерти писателя, но при жизни Басса, уделил ему одно предложение: *«Были трудности с заменой Сеймора, и тогда на один выпуск был приглашен мистер Басс»*. В прекрасной во всех отношениях биографии Диккенса, написанной **Джорджем Гиссингом**, это предложение повторено с небольшим, но обидным для художника добавлением: *«некий мистер Басс»*.

Снисходительный тон Форстера задел старого художника. Басс был, однако, не из тех людей, что раздражаются гневными письмами в «Таймс»; в качестве опровержения он написал простое изложение событий, ради того, чтобы его дети знали, как было дело. По его словам, к нему явился Холл с просьбой спасти издание. *«Я очень удивился и сказал, что я ни разу за всю мою жизнь не держал в руке гравировальной иглы и совершенно не искушен в этом деле. Он уверял меня, что это очень просто, и я, при моем таланте, конечно же, с такой задачей справлюсь».*

Привыкший работать мелом и карандашом, Басс должен был срочно переходить на тушь. Через три недели он приступил к изготовлению первой доски. *«Конечно же, она имела множество недостатков, неизбежных на первых порах, - объяснял Басс. - Она была показана Чапмену и Холлу и, в общем, одобрена ими, хотя и не принята к печатанию. Все это заняло много времени, которое с каждым часом становилось дороже, так как срок очередного выпуска приближался. У меня едва хватило времени на то, чтобы сделать рисунки для следующего «Пиквика» и показать их издателям, которые остались довольны результатом моих усилий».*

В напутствие ему они обещали учесть его неопытность. Басс принялся за гравировку. Результаты были катастрофические. Оставалось только одно: послать оригиналы граверу и надеяться на лучшее.

«Гравер прекрасно выполнил работу, но, как и следовало ожидать, если бы вообще у нас было время ждать, манера оригинала была погублена, - писал Басс. - Гравюры не удалась, хотя «вырезана» она была великолепно. А времени уже не было. Гравюры нужно было немедленно нести в типографию, и, раз другого выхода не было, они были напечатаны, номера сверстаны и выпущены в срок. Так под моим именем вышли иллюстрации, в которых ни одной линии не было моей».

Художник уже работал над рисунками к следующему номеру, когда Чапмен и Холл известили его о том, что нашли ему замену. Так Басс расстался с «Пиквиком», оставив две гравюры - «Игра в крикет» и «Сцена в беседке», обе подписанные: *«Художник и гравер Р. Басс».* Получил он за них тридцать шиллингов.

Гравюры Басса появились только в нескольких экземплярах третьей части, а впоследствии были заменены. Несмотря на свои недостатки, именно они сделали первые экземпляры третьей части редкими и ценными для коллекционеров.

Насколько отставка Басса зависела от Диккенса, неизвестно. Вообще, неизвестно, например, встречались ли они во время пиквикского кризиса или после него. Басс определенно не таил обиды на Диккенса. Из его многочисленных работ некоторые изображают сцены из более поздних романов Диккенса, а его последним произведением был прекрасный этюд под названием «Сон Диккенса» - писатель, спящий в кресле в своем кабинете, вокруг него витают воздушные видения, его известнейшие герои.

За отставкой Басса последовали отчаянные поиски иллюстратора. Об этом узнали в профессиональных кругах, и несколько художников предложили свои услуги. Интересно, что одним из них был будущий знаменитый писатель **Уильям Теккерей**. Выбор, однако, пал не на него, а на **Г. Брауна**. Был, наконец, найден человек, оказавшийся впоследствии причастным к славе не только «Пиквика», но и других романов Диккенса: *«Николас Никльби»*, *«Мартин Чезлвит»*, *«Домби и сын»*, *«Дэвид Копперфилд»*, *«Холодный дом»*, *«Крошка Доррит»* и *«История двух городов»*.

Подобно самому Диккенсу - Бозу, Браун принял забавный псевдоним **Физ**. Это имя, однако, не появлялось на зеленых обложках «Пиквика». Части с четвертой по двадцатую, а также более поздние издания первых трех частей, имели указание *«С иллюстрациями»*, но без имени художника. Чапмен и Холл, видно, не хотели больше рисковать. Однако обложку, оформленную Сеймором, сохранили до конца издания.

Замена иллюстратора, впрочем, мало помогла популярности издания. Четвертый выпуск, вышедший уже с картинками Физа, продавался немногим лучше первого. Не

повезло и пятому выпуску. Но в этом выпуске был заложен заряд, благодаря которому «Пиквик» разлетелся по всему миру.

**«Заряд» в черной куртке, полосатом жилете,
с красным платком на шее и в белой шляпе, надетой набекрень**

«Заряд» явился на сцену *«в черной куртке с синими пуговицами, в полосатом жилете и серых брюках. На шее у него болтался красный платок, а голова была украшена белой шляпой, надетой набекрень»*. Под шляпой скрывался Сэм Уэллер, остроумный слуга мистера Пиквика.

Если издатель мистер Тилт был хоть сколько-нибудь спортсменом в душе, он наверняка снял свою шляпу перед талантом мистера Уэллера завоевывать публику. Начиная с шестой части тираж стал увеличиваться с невероятной быстротой и достиг к концу издания сорока тысяч экземпляров.

Сегодня эта цифра не кажется сенсационной, но к началу 1837 года она была рекордом, и Форстер не преувеличивал, называя ее *«почти баснословной»*. После этого стали появляться шляпы, сигары, трости, пальто «под Пиквика», плагиаты, подражания, продолжения романа и даже его сценический вариант - все это тогда же, в октябре 1836 года.

И если «баснословные» сорок тысяч все еще не производят на вас должного впечатления, напомню вот какую вещь. По словам **Джона Эккеля** из Филадельфии, самого тщательного библиографа Диккенса, «Пиквик» с момента своего появления стал по популярности на четвертое или даже на третье место среди английских книг, уступая только Библии, Шекспиру, и, как полагают некоторые, молитвеннику.

А если посчитать, многие ли в самом деле читали Шекспира, Библию и молитвенник, то скорее всего получится, что «Записки Пиквикского клуба» - самая читаемая книга в мире.

Дело оказалось выгодным

Пиквику и его друзьям недолго пришлось ждать встречи с американскими читателями. Знаменитая фирма «Кэри, Ли и Бланчард» в Филадельфии издала первые четыре номера в ноябре 1836 года и закончила издание к декабрю 1837 года, всего на месяц позже, чем в Англии. Серия вышла в картонной обложке, с матерчатым корешком и с надписью *«Пиквикский клуб. Под редакцией Боза»* на бумажной наклейке и без иллюстраций.

Генри Ли, будущему главе фирмы, было в то время одиннадцать лет. Тридцать лет спустя он писал: *«Автор был тогда малоизвестен, а все предприятие довольно сомнительно, поэтому напечатана была только тысяча пятьсот экземпляров по сорок пять центов за выпуск. Выпуски выходили отдельными тонкими книжками в двенадцатую долю листа, в картонной обложке. Они, должно быть, знакомы всем читателям старых романов»*.

Дело оказалось выгодным, и к декабрю, когда вышел заключительный, пятый том, тираж увеличился, были даже дополнительно выпущены в небольших количествах первые номера и появились конкурирующие дешевые издания в Нью-Йорке.

Единственной пользой, какую автор извлек из этого издания, помимо известности, полученной Диккенсом - Бозом в Америке, был перевод в пятьдесят фунтов, сделанный издательством в 1838 году в знак признания его успеха.

Этот успех привел к изданию в 1837 году «Очерков Боза», которых было напечатано, правда, только тысяча двести пятьдесят экземпляров. Это предприятие, видимо, оказалось не очень удачным, потому я не нахожу в делах фирмы никаких

указаний на переиздание «Очерков» до того, как много лет позже мы включили их в собрание сочинений».

О последнем утверждении можно сказать словами одного библиографа Диккенса: «Мистеру Ли изменяет память. Его фирма издавала «Очерки» не меньше четырех раз».

Филадельфийское издание «Пиквикского клуба», таким образом, завоевало популярность не только себе, но и «Очеркам Боза». Первое издание Пиквика теперь - очень редкая книга.

Через четыре года после «Пиквика»

Мистер Пиквик и его друзья, особенно Уэллер-младший, покорили американскую публику и на сцене. Правда, некоторые из инсценировок так смахивали на фарс, что американцы вообще стали иронически относиться к романам.

Очень серьезный молодой человек по имени **Чарлз Лестер** разделял их точку зрения и имел достаточно мужества в этом признаться. Но «Оливер Твист» и «Николас Никльби» покорили его. Один друг дал ему «Оливера», «чтобы помочь скоротать бессонную ночь», и он увлекся Диккенсом так же, как многие тогда увлекались религией. Год или два спустя Лестер поехал за границу и навестил Диккенса.

Свой визит в июле 1840 года он подробно описал, и нам, потомкам, особенно интересен словесный портрет Диккенса, нарисованный через четыре года после появления «Пиквика»:

«Мне показалось, что Диккенс обладает прекрасной внешностью. Портрет в филадельфийском издании его произведений хорош, но ни один портрет не может вполне передать его лица, когда он оживлен интересным разговором. Тут в его глазах появляется

нечто, что нельзя скопировать.

Рост его, должно быть, немногим выше среднего, но он держится благородно и кажется выше, чем он есть на самом деле. Он изящно сложен, ни худ, ни толст. Лицо красивое. Цвет лица у него нежный, обычно довольно бледный; но когда он воодушевлен, лицо его озаряется румянцем.

Я думаю, он гордится своими волосами, и это вполне понятно. Они напомнили мне слова из «Аркадии» Сиднея: «Каштановые волосы, весьма длинные, придавали ему великолепный вид».

О лбе его френолог сказал бы (особенно если бы знал его характер заранее), что это - свидетельство ясного ума, в котором господствуют чувствительность, веселость и воображение. Кажется, нос его сначала намеревался стать римским, но пробыл в нерешительности достаточно долго, чтобы принять классические греческие очертания».

«Пиквик» как предмет коллекционирования, или 30 долларов за любое слово Диккенса

«Пиквик» стал предметом коллекционирования еще при жизни Диккенса и уже тогда был труднодоступен. **Джон Декстер** в 1870 году писал в своих **«Советах диккенсовским коллекционерам»**, что уже пятнадцать лет в продаже не было хорошего экземпляра полного комплекта всех выпусков.

Безупречных комплектов «Пиквика» теперь меньше, чем экземпляров первого издания Шекспира. «Пиквик» принадлежит к тому избранному кругу редких книг, библиофильская ценность которых так велика, что требуется перепись всех сохранившихся экземпляров.

Это и сделал **Эккель** в книге *«Первые комплекты «Пиквиков»*, где дана история и местонахождение четырнадцати известных комплектов, признанных безупречными. Из них тринадцать находятся в Соединенных Штатах, а один в Англии.

Самый желанный для коллекционера «Пиквик», однако, не входит в эти четырнадцать, хотя Эккель тоже не обошел его в своей книге. Он не удовлетворяет некоторым из одиннадцати принятых условий пиквикианской безупречности: непременно иметь на обложке год издания 1836, не иметь подписей под иллюстрациями в I-XII частях и т. п. - еще девять пунктов.

Первые четырнадцать частей в этом комплекте содержат дарственную надпись, сделанную самим Диккенсом для горячо им любимой свояченицы, **Мэри Хогарт**. Остальные части не надписаны, потому что 7 мая 1837 года, семнадцати лет, Мэри Хогарт трагически умерла. Диккенс был так потрясен, что не смог вовремя закончить июньский выпуск. Его издание было задержано на месяц, до июля. Теперь этот комплект находится в Филадельфии.

Известен еще один комплект номеров «Пиквика» с дарственной надписью автора. Он не самого раннего издания, и надпись есть только на первой части. Это подарок *«Миссис Джонс от преданного Чарльза Диккенса»*, и если бы даритель написал еще несколько частей, или лучше все, и выбрал более старое издание, за него дали бы гораздо больше тех трех тысяч шестисот долларов, которые этот экземпляр стоил в книжном магазине Керна.

От рукописи «Пиквика» сохранилось только несколько отрывков. До 1928 года считалось, что существуют тридцать две страницы в четверть листа, содержащие XXXV и XXXVI главы. Из них тридцать одна страница находится во владении одного коллекционера и библиографа в Филадельфии, а одну передал в Британский музей в Лондоне ее последний владелец.

В 1928 году, однако, в течение одной недели появились еще два отрывка - в Филадельфии и Лондоне. Первый включал полторы страницы из XLIII главы, подписанные и настоящей фамилией, и псевдонимом автора. Эта рукопись находилась когда-то в коллекции **Джорджа Чайлда** и, вероятно, для него и была списана, когда Диккенс гостил у него во время своего второго визита в Америку в 1868 году. Лондонская рукопись содержит пять страниц из XXXIII главы.

Вероятность существования других отрывков очень мала. Во всяком случае, нынешняя цена в тридцать долларов за слово, написанное Диккенсом, достаточно высока, чтобы все сохранившиеся рукописи не залеживались, а попадали на аукцион и в поле зрения библиофилов.

Писателю «Пиквик» тоже принес немалую прибыль. Платить автору после успеха **Сэма Уэллера** четырнадцать фунтов за каждый выпуск, с которых начался контракт, было невозможно. Это было смехотворно мало, сумму увеличили, и скоро Диккенс стал обладателем 2500 фунтов стерлингов и права на долю прибыли от издания по истечении пяти лет.

Это право особенно пригодились автору, когда началось издание *«нового сочинения в том же духе»*. Правда, новое сочинение получилось в совсем ином духе, но тоже неплохом - это был «**Николас Никльби**». Фирма Чапмен и Холл пошла в гору. Диккенс тоже.

Диккенс в России

Автор «Пиквикского клуба» в России стал по-настоящему читаться гораздо позднее, чем в Англии и Франции. Случилось это через двадцать с лишним лет после появления книги на родине, т.е. уже после оценки ее Гоголем и Белинским.

Но истинным первооткрывателем Диккенса считается одаренный литератор **Иринарх Введенский**, который перевел с английского сначала *«Домби и сын»*, а потом, в 1847 году, *«Пиквикский клуб»*. Правда, его впоследствии упрекали в излишних

вольностях, неточностях, находили у него сплошную «отсебятину» и вообще, не были склонны считать эту работу переводом.

Конечно, если у Диккенса сказано, что члены Пиквикского клуба изучали, как в Хемпстедских прудах живет корюшка, то для русских читателей что это за рыба? Введенский заменял корюшку на карася, который в Хемпстедских прудах, наверное, и не водился.

«В переводах Введенского неразрывно сплелись безграничная фантазия, переводческая дерзость, доходящая до развязности, и редкостное постижение самого духа переводимого автора», - отмечал **И.М. Катарский**, исследователь, отдавший много сил изучению диккенсовских переводов в России.

Тем не менее, именно Введенский заставил русских читателей от души смеяться и плакать над Диккенсом, он открыл диккенсовский мир Достоевскому. Он сумел сделать автора «Пиквикского клуба» в нашей стране своим.

Книги имеют свою судьбу

Что сказать в заключение?

Книги имеют свою судьбу, смотря потому, как примет их читатель. Рассматривая цепочку *«рукопись - книга - книжный прилавок - бессмертие»*, приходишь к выводу, что книговедение - очень занимательная штука! Судите сами.

Молодому журналисту были заказаны подписи к смешным картинкам, однако подписи стали растягиваться в целое повествование. Издатели пошли на риск: вместо картинок с подписями начал печатать роман с картинками. И - получился «Пиквикский клуб». Это похоже на чудо или на случайность? А если бы издатели не приняли предложение Диккенса? Знали бы мы тогда мистера Пиквика?

Как вообще получилось, что книга - вот этот предмет, состоящий из двух картонных крышек и сложенных вместе листов бумаги, называемый «Записками Пиквикского клуба», изданный 180 лет назад, дожил до наших дней и продолжает жить?

Понятно, что книга сначала пишется, а потом печатается. Однако мы убеждаемся в том, что издатель с читателями вносят свой вклад в создание книги прежде, чем она написана. Уже в авторском замысле незримо присутствуют и требования издателя, и запросы публики.

Сетуя на современное состояние английской или американской литературы, говорят: беда - нет Диккенса, писателя, который бы создавал книги для широких кругов и на высоком уровне.

Можно себе легко представить, какого масштаба работу выполнял Диккенс. Тогда нахлынула первая волна «массового чтения» - и море литературных поделок, кое-как удовлетворявших растущий спрос. Самым читаемым писателем был **Росс Макдональд**. Кто это? Теперь на этот вопрос могут ответить, пожалуй, только библиотекари. А в ту пору не один Макдональд, но целый ряд писателей, приспособившихся ко вкусам массового потребителя, считали, что именно они и есть настоящие писатели при новых условиях.

Диккенс же, не уступая «самому Макдональду» ни в производительности, ни в популярности, держался в то время на недоступной для литературных поденщиков высоте. Его тиражи и сегодня исчисляются цифрами с четырьмя или даже пятью нулями. Такова «сила Диккенса»!

А сколько было попыток уравнивать Диккенса, например, с Теккереем. Еще при жизни **Уильяма Теккерея** говорили, что он - писатель более серьезный, более тонкий и уж, конечно, более критичный, чем Диккенс. Но *«серьезность»* и *«тонкость»* - это ведь не собственно творческие достоинства. Творчество - всесторонний дар. И сам же Теккерей, когда при нем заходила речь о Диккенсе, говорил одно - гений.

Временная переоценка не способна отменить приговора вечности. Проходит мода, и над потоком текущей литературы остаются все те же ориентиры, все те же книги, которые мы привыкли видеть у себя на полке - все тот же Диккенс, все тот же его «Пиквикский клуб».

Эта книга, возможно, есть и на вашей полке, но вот история ее появления на свет известна далеко не каждому читателю.

ЛИТЕРАТУРА:

Его произведения:

1. **Диккенс Ч.** Собрание сочинений, тт. 1-30. М., 1957-1963.
2. **Диккенс Ч.** Собрание сочинений, тт. 1-10. М., 1957-1963.
3. **Диккенс Ч.** Посмертные записки Пиквикского клуба: Роман / Пер. с англ. А. В. Кривцовой и Е. Ланна; Послесловие Ю. Кагарлицкого; Примеч. Б. Кагарлицкого.- М.: Детская литература, 1988.- 718 с.: ил.

О нем:

1. **Буслаев Ф.** Мои воспоминания. - М, 1897. - Стр. 258-259.
2. **Варьяш А.** Чарльз Диккенс: Тяжелые времена/ Антонина Варьяш// Караван историй.- 2007.- №9.- Стр.278 - 299.
3. **Винтерих Дж.** Приключения знаменитых книг/ Джон Винтерих.- 2-е изд. - М.: Книга, 1979.-160 с.- Тираж 75000 экз.

Эта книга - один из своеобразных зарубежных опытов в популярном жанре занимательного книговедения. Джон Винтерих - американский журналист и библиограф - рассказывает о первом появлении и начале громкой судьбы прославленных книг Даниэля Дефо и Роберта Бернса, Диккенса и Теккерея, Бичер -Стоу и Марка Твена, Эдгара По и Уолта Уитмена...

Из классических английских и американских книг автор выбирает те, которые, на его взгляд, имели наиболее интересную издательскую историю. Дж. Винтерих не ставит своей целью дать характеристику творчества писателей или серьезный анализ самих произведений, так как большинство из них очень хорошо известны читателям. Автор рисует живыми штрихами обстановку и время создания этих книг, их место в истории книгоиздания; прием, оказанный им современниками при первом их появлении, библиофильские оценки первых изданий, историю их оформления и т. д.

4. **Катарский И. М.** Диккенс в России.- М.: наука, 1966.- Стр. 271.
5. **Михальская Н. П.** Чарльз Диккенс: Книга для учащихся. - М.: Просвещение, 1987.- 128 с. - (Биография писателя). (Глава «Боз выходит на сцену и становится знаменитым».)
6. **Пирсон Х.** Диккенс, 1963. - 512 с. – (Серия «Жизнь замечательных людей»). (Глава «Неподрожжаемый Боз».)
7. **Сильман Т.** Диккенс. Очерки творчества. - Л., 1970.
8. Тайна Чарльза Диккенса: Библиографические разыскания. - М., 1990.
9. Чарльз Диккенс: Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке, 1838-1960. - М., 1962.
10. **Честертон Г. К.** Чарльз Диккенс. - М.: Радуга, 1982. - 208 с.
11. **Честертон Г. К.** Чарльз Диккенс. - М.: Радуга, 2002. - (Сер. « Сквозь призму времени. Биографии»)
12. **Уилсон Э.** Мир Чарльза Диккенса. - М., 1975.
13. **Урнов Д.** Путь к русским читателям//Винтерих Джон. Приключения знаменитых книг.- 2-е изд.- М.: Книга, 1979.- Стр. 150-158.

Послесловие Д. Урнова освещает первые, шаги упомянутых Дж. Винтерихом английских и американских книг в России, начало знакомства с ними русского читателя.